

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«Я артистом стал от страха»

Встр. клуб - 2004 - 10 июня - с. 4, 5

Сергей Дрейден: «Забавно было выпивать в Каннах»

Есть актеры, от вида которых зрителю делается уютно – ходят по сцене какие-то люди, машут руками, а потом появляется некто и ты сразу окунаешься в Театр. Такое случается всякий раз, когда на сцену выходит Сергей Дрейден. В премьерном мхатовском «Вишневом саде» Дрейден сыграл Гаева. Во время интервью он все время шутит, и мне кажется, что начался праздник. И девушкам из кафе Музея личных коллекций, где мы беседуем, тоже так кажется – они улыбаются.

Всю свою жизнь этот ленинградский актер занимался тем, что не делал карьеру. Переходил из театра в театр, ссорился с «нужными» людьми, дружил с «ненужными» и всегда был недоволен собой. Рисовал картины, занимался пантомимой. В середине 80-х он в очередной раз ушел

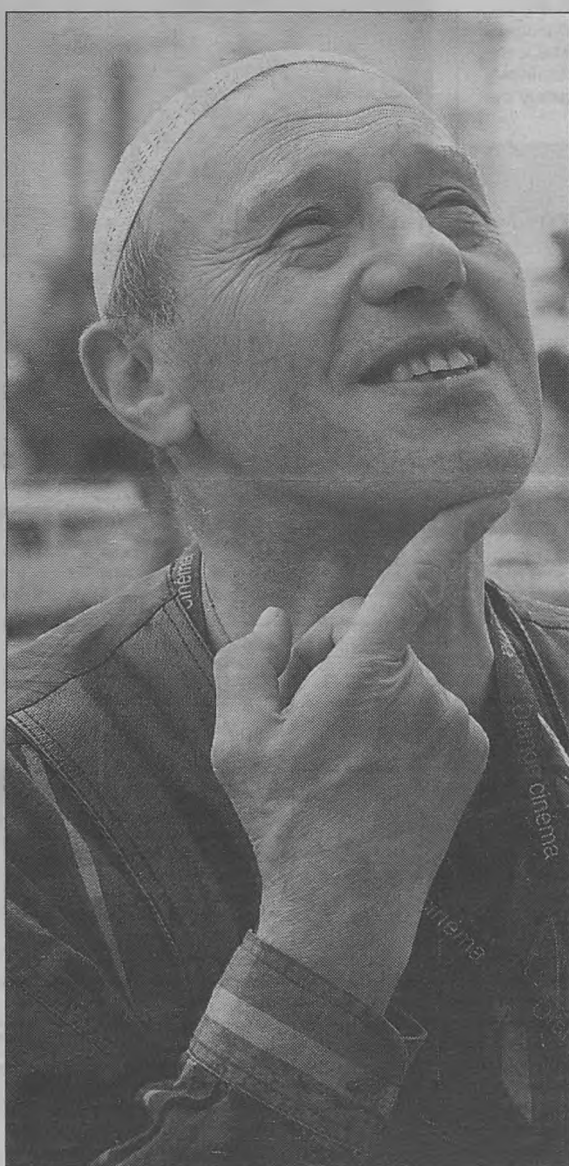
из репертуарного театра и стал придумывать свои спектакли вместе с замечательной актрисой и драматургом Аллой Соколовой. Вспоминают его спектакль «Как все меняется» – в нем персонаж Дрейдена выходил и садился на лавочку, но через секунду зрители видели, что перед ними сидит ворона, а потом снова вполне обычный господин, а потом... А потом Дрейден снялся в фильме Юрия Мамина «Окно в Париж» – сыграл учителя музыки, обнаружившего в питерской коммуналке волшебное окно, ведущее прямо на Елисейские поля. Спустя десять лет ему выпало проделать обратное – в фильме Сокурова «Русский ковчег» Дрейден получил роль европейского дипломата XIX века, распахнувшего неведомое окно и очутившегося в Эрмитаже.

– Сергей Симонович, видимо, Сокуров не зря снял вас в интервьюх Эрмитажа – вы много времени проводите в музеях.

– Да, всю жизнь обожаю выставки. Я и сам рисую. У меня и жена – арт-директор галереи «Борей». Вот, кстати, возьмите два билета на выставку эскизов Дзеффирелли. Сходите обязательно! Это такой уровень красоты, что вы будете потрясены. Пока шли мхатовские репетиции, я многие московские музеи обхаживал, но Музей личных коллекций – мой самый любимый.

– Вы недавно обмолвились, что, репетируя в «Вишневом саде», окунулись в атмосферу своего детства...

– Я родился в театральной семье – папа был известным критиком, мама – чтец-декламатор Зинаида Донцова. Когда началась война, отца взяли завитом в Александринку и вместе с театром вывезли в Новосибирск, там я и родился. А потом отец стал завитом Камерного театра и мы до 1948 года жили в Москве. Нынешний Театр имени Пушкина – дом, где я провел несколько лет. В институте я учился плохо – был занят женщинами. После его окончания пошел к Райкину, в Театр миниатюр. За четыре месяца услышал два совета от Аркадия Исааковича, обращенных лично ко мне, и ушел в Дом народного творчества. А потом, уже работая на телевидении, познакомился с Розой Абрамовной Сиротой. Это была встреча! Через два года меня взяли в Театр комедии, с этим театром я в 1964 году гастролировал на сцене МХАТа. На тех давних гастрольях тех привянул Миша Коляков сказал: «Идем к нам, в «Современник»!» Но я и из «Современни-

ка» вскоре смылся... Понимаете, я часто входил в отношения с театрами только потому, что испытывал к ним зрительский интерес, а оказавшись сотрудником, тут же этот интерес терял. Это как с людьми: одно дело разглядывать, другое – входить в контакт.

– Вот вы сейчас вошли в контакт с Адольфом Шапиро, ставившим «Вишневый сад»...

– Сначала я отказался, но вскоре мне перезвонил Адольф Яковлевич и сказал: «Сергея, я начал репетировать, но у меня нет Гаева!» Забегая вперед – я не жалею. Другой раз-

говор, что я теперь точно знаю, что могу работать только с близкими по духу людьми.

– Мне кажется, вы очень избирательны в общении.

– Избирателен. Но я раньше был очень труслив, боялся кого-нибудь обидеть. Я домашний ребенок, всегда испытывал страх перед коллективом, перед толпой. Я и артистом, наверное, стал от страха перед людьми. Но есть те, кого я люблю. Некоторые из них теперь уходят из моей жизни, появляются новые, но я в них не нуждаюсь. Опасность в том, что не имея близких, ты начинаешь тыркаться к чу-

жим. В этом смысле Гаев – удивительная роль. Это у Раневской – бурная парижская жизнь, а он все время один.

– У Чехова не написано, что было с Гаевым за его 51 год. Ведь были же и у него какие-то романы, он наверняка много курил – потому-то теперь вечно сосет леденцы...

– В советское время это называлось «вырождением дворянства», но про эту гадость мне и говорить не хочется. Вот я читал двухтомник Галины Бродской о «Вишневом саде» – замечательно созданная книга. Почему я люблю настоящую драматургию – погружаясь в нее, можно выбирать себе спутников в виде хороших книг и потом глубже и богаче играть. Хотя сейчас, во время репетиций, у меня случился горький опыт: я купил «Доктора Живаго» Пастернака – вещь, не читанную мною раньше. Думал, это поможет мне для Гаева. Стихи доктора Живаго я знаю и люблю с юности, с самиздата, но когда открыл роман, то начал зевать.

– Ваш Гаев чем-то напоминает Гаева, которого играл в спектакле Ефремова Смоктуновский – та же удлиненная пластика, та же подробность игры...

– А вы знаете, что мне дали ту же тросточку, с которой Смоктуновский выходил в этой роли? И почему-то посадили в его гримборную.

– Вас не раздражает, что на «Вишневом саде» зрители смеются в самых неожиданных местах?

– В этом спектакле – репризная подача у артистов. Я же люблю, когда смех возникает как реакция на ситуацию, а не от того, что зрителя так сильно ткнули, что он засмеял-